

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВИКТИМИЗАЦИЯ ЖЕРТВ ИЗДЕВАТЕЛЬСТВ КАК ИСТОЧНИК ИХ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ

©2019 г. В.П. Шейнов*

*Доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры психологии,
Республиканского института Высшей школы Белорусского государственного университета;
220030, Республика Беларусь, г. Минск, у. Московская, 15; e-mail: sheinov1@mail.ru

Поступила в редакцию 21 ноября 2018 г.

Аннотация. Издевательства в школах, в семьях, на работе повторяются из поколения в поколение, оставаясь серьезной социально-психологической проблемой. Они приводят к виктимизации жертв, причиняя им значительный вред. Приводится аналитический обзор зарубежных исследований (в основном), в котором показано, что виктимизация детей, подростков и взрослых порождает отрицательные эмоциональные состояния – депрессию, тревогу, уныние, страх, дистресс, гнев, отрицательную аффективность, самообвинение, низкую самооценку и посттравматический стресс. При этом психологическая виктимизация жертв может быть более разрушительной, чем физическая. По сравнению с взрослыми виктимизация детей и подростков оказывает на них более сильное неблагоприятное воздействие. Отрицательные эмоциональные состояния при подобном воздействии на рабочем месте дополняются неудовлетворенностью трудом и снижением его качества. Предлагается надежная и валидная тестовая методика оценки степени виктимизации взрослого человека. С ее помощью было показано, что виктимизация связана с макиавеллизмом, который у мужчин, женщин, юношей и девушек положительно коррелирует с общей виктимизацией, агрессивным и некритичным поведением. Макиавеллизм также положительно связан с зависимым поведением и с реализованной виктимизацией, макиавеллизм юношей и девушек – с саморазрушающим и некритичным поведением, макиавеллизм юношей, в частности, – с зависимым поведением и с реализованной виктимизацией. Установлены также связи между: а) виктимизацией и

стратегиями поведения в конфликте, различающиеся для сочетаний компонентов виктимизации и стратегий; б) между виктимизацией человека и его психологическим полом, нейротизмом, экстраверсией, социальной желательностью, эмпатией и возрастом.

Ключевые слова: виктимизация, издеательства, жертвы, эмоциональные состояния, дети, подростки, взрослые, школа, семья, работа, тестовая методика.

ВВЕДЕНИЕ

Виктимность (от лат. *Victima* – жертва) – склонность человека к тому, чтобы стать жертвой преступления, несчастного случая, травли, агрессии. Виктимизация – событие насилия или опыт переживания насилия, процесс превращения лица в жертву преступного посягательства, а также результат этого процесса. «Виктимизация – это не просто процесс превращения личности или социальной общности в жертву, а скорее – в жертву потенциальную, это процесс повышения степени виктимности» (Вишневецкий, 2014, с. 226).

Необходимость изучения процесса виктимизации объясняется ее широким распространением в современном обществе и многочисленными отрицательными последствиями для ее жертв (Menrath et al., 2015; Gini, Espelage, 2014; Lanctôt, Guay, 2014; Hutchinson, Hurley, 2013; Einarsen, Skogstad, 1996; Чикер, Почебут, 2016). Данная проблема имеет непосредственное отношение к проблеме психологического здоровья общества и, в том числе, изучению переживаемых социумом в целом коллективных эмоций и чувств (Емельянова, 2016; Никифоров, 2016; Психологическое здоровье..., 2014; Психология повседневного..., 2016; и др.).

Так, по оценкам крупномасштабных межнациональных исследований в школьные годы издеваются над 10-20% *детей и подростков*, а 5-15% представителей этой возрастной группы сами издеваются над другими. Многие из жертв издевательств испытывают впоследствии повторную и устойчивую виктимизацию (Gini, Espelage, 2014). В одном из исследований 39%

школьников, участвовавших в нем, сообщили об издевательствах, а 16% – об испытанном межличностном насилии (одной конкретной личности над другой в отличие от насилия со стороны группы над одним из ее членов или со стороны членов другой группы). Пострадавшие дети сообщали о большем числе психосоматических проблем и о более низкой удовлетворенности жизнью по сравнению с детьми без опыта виктимизации ($p \leq 0,001$) (Menrath et al., 2015). При этом «число сообщений об издевательствах продолжает расти» (Hutchinson, Hurley, 2013, с. 555). Также показано, что издевательства и притеснения *на работе* являются широко распространенными проблемами трудовой жизни. В частности, установлено, что только за шесть месяцев, предшествовавших исследованию «было избито 8,6% респондентов» от общего числа всех участников исследования (Einarsen, Skogstad, 1996, с. 188).

Виктимизация приводит к многочисленными отрицательным последствиям для ее жертв, таким, в частности, как вред для здоровья, депрессия, тревога, уныние, страх, низкая самооценка, дистресс, отрицательные психические состояния, гнев, грусть, отрицательная аффективность, самообвинение.

Издевательства особенно опасны для детей и подростков, поскольку наносят тяжелый удар по неокрепшей детской психике. Установлено, что виктимизация в этом возрасте влечет последующую виктимизацию во взрослой жизни (Gini, Espelage, 2014).

Именно виктимизации в школах посвящено наибольшее количество публикаций. Возможно, последнее объясняется тем, что за рубежом существует не менее пяти тестов, направленных на изучение виктимизации подростков (Шейнов, 2018а), в то время как для изучения виктимизации взрослых до последнего времени не было предложено ни одного – ни в наших странах РФ и РБ), ни за рубежом.

Виктимизация сверстников школе

Агрессивное поведение некоторых подростков, их издевательства над сверстниками, а также групповые издевательства повторяются из поколения в поколение. Издевательства наносят физический, психологический, социальный вред и мешают обучению. Они могут осуществляться в форме физического нападения, психологической агрессии, систематической травли, оскорблений, угроз, домогательств, отторжения от группы (изоляция, игнорирования), порочащих слухов и сплетен.

Показатели распространенности издевательств в школах в разных странах несколько различаются, но остаются достаточно высокими. При этом многие дети, подвергшиеся издевательствам, в последующем испытывают повторную и устойчивую виктимизацию (Cuevas et al., 2010; Gini, Espelage, 2014).

В работе Н. Гарнефски и В. Край (Garnefski, Kraaij, 2014) изучены связи между виктимизацией в результате издевательств и симптомами депрессии и тревоги среди школьников. Участниками исследования были 582 ученика средних школ, которые заполнили Модернизированные онлайн-опросники самоотчетов по виктимизации жертвы, когнитивной помощи и депрессии/тревоги. Посредством множественного регрессионного анализа были выявлены *сильные связи между виктимизацией жертвы и наличием у нее признаков депрессии и тревоги.*

Э. ван Хуф с соавторами (Hoof et al., 2008) изучали предполагаемые взаимосвязи между издевательствами, виктимизацией сверстников, личной идентичностью и симптомами депрессии у 194 учащихся средней школы (возраст 12-18 лет). Это исследование, в частности, показало, что виктимизация со стороны сверстников имеет *негативные последствия для психологического здоровья подростков, усиливая симптомы депрессии.*

В исследовании Ш. Бауман и Дж. Саммерс (Bauman, Summers, 2009) рассмотрены прямая и косвенная виктимизации и симптомы депрессии у 229

испаноязычных (мексиканских) и англоязычных учащихся средней школы. Изучен также сглаживающий эффект просоциальных действий со стороны сверстников. В выборке участников исследования жертвами оказалось 23% учащихся. Девочки вели себя более просоциально, но такое поведение не смягчало влияние виктимизации на возникновение у них депрессии. Значительно *больший уровень депрессии был присущ жертвам*, нежели тем, кто не пострадал от издевательств. Англоязычные испытуемые сообщали о значительно более выраженных симптомах депрессии, чем их однокурсники-мексиканцы. Заслуживает внимания вывод авторов о том, что не открытая, а *скрытая (косвенная) виктимизация внесла наибольший вклад в симптомы депрессии*. Косвенная виктимизация включает не физические, а сугубо психологические средства унижения – сплетни, наговоры, игнорирование, изоляция, отторжение от группы.

Положительная связь между фактом виктимизации вследствие насилия с одной стороны и депрессией и тревожностью с другой среди американских подростков (белых и темнокожих) была установлена М. Холтом и Д. Эспелейджем (Holt, Espelage, 2005), которые при этом показали *важность социальной поддержки* со стороны членов семьи и сверстников как модератора, смягчающего негативные последствия виктимизации.

Диссертация С. Михалас (Mihalas, 2007) была посвящена взаимосвязи между виктимизацией и депрессией среди учащихся средних школ (N=153) во Флориде. Большинство участников были афроамериканцами и латиноамериканцами. Это исследование было одним из первых, в котором были изучены позитивные защитные факторы (надежда, духовность, воспринимаемая социальная поддержка), помогающие жертве устоять перед депрессией. Результаты исследования показали, что *надежда и воспринимаемая социальная поддержка являются статистически значимыми факторами уменьшения депрессии* как следствия виктимизации. Кроме того,

результаты качественных интервью показали, что учителя, родители, братья и сестры играют важную роль в таком содействии пострадавшим школьникам.

В работе Дж. Исаакс с соавторами (Isaacs et al., 2008) исследованы долгосрочные последствия виктимизации у 177 девочек и мальчиков, которые находились под наблюдением, начиная с подросткового возраста (14-15 лет) до периода ранней взрослости (22-23 лет). Виктимизация в подростковом возрасте была связана с увеличением депрессии и снижением самооценки, а также с негативным отношением подростков к окружающим, но только тогда, *когда подростки были лишены благоприятной семейной среды.*

Хотя в нескольких лонгитюдных исследованиях указывалось, что поведение, связанное с интернализацией тревоги и депрессии, может предшествовать виктимизации издевательствами, было мало попыток экспериментально изучить роль такого влияния. В экспериментальном исследовании С. Лучетти и Р. Рапи (Luchetti, Rapee, 2014) 168 школьников 12-14 лет читали описания, сделанные гипотетическими сверстниками, в которых те отображали свое поведение, указывающее на тревогу и депрессию, и возможные просоциальные характеристики. Для всех таких описаний каждый испытуемый указал степень симпатии к предполагаемому сверстнику, а также вероятность того, что сверстник вскоре будет жертвой других и/или лично его самого нападков. По сравнению с гипотетическими детьми с просоциальным поведением их сверстники, проявляющие тревогу или подавленность, были менее любимы и воспринимались как более вероятные жертвы. Результаты указывают на *уязвимость, склонность к виктимизации, вызванную имеющимися тревожностью и депрессией.*

Таким образом, связь виктимизации с депрессией является двусторонней – не только первая влечет вторую, но и обратно: ряд исследований показывают, что у депрессивных подростков наблюдается повышенный риск виктимизации со стороны сверстников. В статье Х. Шастер и Й. Ювонен

(Schacter, Juvonen, 2017) изучены условия, при которых симптомы депрессии предсказывают социальную уязвимость, и представлен механизм, лежащий в основе таких связей. В этом исследовании на основе анализа этнически разнообразной выборки из 5374 подростков рассмотрены: а) характерные атрибуты *самообвинения* как социальный когнитивный механизм, осуществляющий связь между симптомами депрессии и виктимизацией (в течение первых двух лет средней школы); б) возможная роль уровня симптомов депрессии у друзей. Установлена связь между симптомами депрессии учащихся 6-го класса и усилением их виктимизации в 7-м классе, то есть симптомы депрессии повышают риск подростка в отношении будущей виктимизации. Более того, этот процесс был наиболее выражен для школьников, чьи друзья также испытывали повышенные симптомы депрессии в начале средней школы. При этом *самообвинение опосредует связь между симптомами депрессии и виктимизацией*. Эти результаты подчеркивают роль как внутриличностных, так и межличностных факторов риска в возможной виктимизации в средних классах школы.

Реакция подростка на насилие и связанные с ним симптомы психологической травмы исследованы М. Сингером с соавторами (Singer et al., 1995). Ими была поставлена задача – изучить степень, с которой подростки подвергаются различным видам насилия в качестве жертв или свидетелей, и предполагаемые связи такого воздействия с симптомами травмы. В частности, проверить гипотезу о том, что виктимизация вследствие насилия будет иметь сильную положительную связь с депрессией, гневом, тревогой, разобщенностью, посттравматическим стрессом и общими симптомами травмы. В исследовании использовалась анонимная анкета для самоотчета, которая была заполнена учащимися 9-12 классов в шести государственных средних школах в 1992-93 учебном году. Всего в опросе участвовали 3735 учащихся. Возраст варьировался от 14 до 19 лет; среди опрошенных – 52% девушки, 48% юноши,

35% афроамериканцы, 33% белые и 22% латиноамериканцы. Все гипотезы исследования нашли подтверждение. Множественный регрессионный анализ данных по общей выборке показал, что переменные, связанные с испытанным насилием (и в меньшей степени демографические переменные), объясняют значительную часть дисперсии во всех показателях симптомов психологической травмы, включая депрессию ($R^2=0,31$), гнев ($R^2=0,30$), тревожность ($R^2=0,30$), разобщенность ($R^2=0,23$), посттравматический стресс ($R^2=0,31$) и общая травма ($R^2=0,37$). Таким образом, в репрезентативной выборке учащихся старших классов продемонстрирована *значительная и стойкая связь насилия с симптомами психологической травмы.*

Исследование Д. Ховард с соавторами (Howard et al., 2002) было посвящено изучению виктимизации в результате насилия среди преимущественно афроамериканских малообеспеченных городских подростков и возможной связи с дистрессом, а также психосоциальных факторов, способствовавших симптоматике виктимизации. Данные для этого исследования были получены из опроса 349 подростков в возрасте от 9 до 15 лет, проживающих в одной из общин с низким уровнем дохода на Восточном побережье США. Оценивалось воздействие насилия, симптоматика дистресса, психосоциальное функционирование подростков и семейная динамика. Данные получены с помощью коэффициентов корреляции Пирсона и анализа моделей множественной линейной регрессии. Свидетельства о насилии оказались связанными с сообщениями подростков о навязчивых мыслях и чувствах, трудностях с концентрацией внимания, ощущением опасности и/или избегающем поведении. *Виктимизация в результате насилия также коррелировала с чувством отчаяния, неверия в счастливую и долгую жизнь, а также переживанием себя нелюбимым, заброшенным и забитым.* При этом младшие подростки чаще сообщали о подобных навязчивых мыслях. Проблемы в семейном общении были связаны с навязчивыми мыслями, растерянностью,

чувством отчуждения в семье и проявлением эмоционального оцепенения. Акт насилия коррелирует с набором указанных симптомов. Авторы исследования считают, что также необходимо выявлять и подростков, ставших свидетелями насилия, чтобы помочь им справиться с возникшим дистрессом. Проблемы семейной коммуникации, особенно не сложившееся семейное общение и нерешенность других семейных проблем также способствуют симптоматике виктимизации.

Ряд исследований продемонстрировал разрушительные последствия воздействия различных форм виктимизации, и особенно – *поливиктимизации* (неоднократно повторяющейся виктимизации), – на психическое здоровье молодежи. Основной целью исследования Х. Тернер с соавторами (Turner et al., 2015) было выявить механизмы, которые помогут объяснить сильное воздействие поливиктимизации. Полученные выводы основаны на анализе авторами данных двух этапов Национального обзора воздействия насилия на детей (NatSCEV), проведенного в США в 2008 и 2010 гг., который включал телефонную выборку 1186 подростков в возрасте от 10 до 17 лет. На основе математического моделирования, авторы определили прямое и косвенное влияние на симптомы дистресса со стороны увеличенной, уменьшенной (по сравнению с уровнями, зафиксированными на первом этапе обследования в 2008 г.) и стабильно высокой поливиктимизации между первым и вторым этапами NatSCEV. Произведено сравнение со случаями отсутствия или низкой виктимизации на обоих этапах. В частности, рассмотрена степень, с которой более низкий уровень основных психосоциальных ресурсов (включая поддержку семьи и сверстников, чувство собственного достоинства и саморегуляцию) опосредует взаимосвязь между поливиктимизацией и дистрессом. По сравнению со стабильной низкой виктимизацией, как увеличение поливиктимизации, так и стабильная высокая поливиктимизация были связаны с сокращением всех четырех ресурсов. Однако только

самооценка и саморегуляция значительно опосредовали связь между поливиктимизацией и дистрессом, при этом более низкий уровень саморегуляции более существенно увеличивал дистресс. Хотя существенные косвенные эффекты влияния на дистресс были очевидны, поливиктимизация все равно оказывала сильное прямое влияние на дистресс с контролируемыми вышеназванными факторами. Выводы подтверждают гипотезу о том, что сильное влияние поливиктимизации на психическое здоровье молодежи частично зависит от ее разрушительного влияния на основные психосоциальные ресурсы.

Целью исследования К. Куэваса с соавторами (Cuevas et al., 2010) явилось изучение роли психологического дискомфорта в прогнозировании *повторной виктимизации детей* в различных формах: обычную преступность, жестокое обращение и насилие, включая сексуальное, между сверстниками. Данные лонгитюдных обследований, в ходе которых были опрошены дети в возрасте от 2 до 17 лет, были нацелены на выявление виктимизации детей и психологического дискомфорта. Выборка для этого анализа составляла 1025 детей, которые испытали, по крайней мере, одну форму виктимизации на первом этапе сбора данных. Результаты показали, что возникший в результате *первичной виктимизации психологический дискомфорт, определяемый как суммарный балл шкал депрессии, гнева и тревоги, был уникальным значительным предсказателем последующей общей виктимизации, а также виктимизаций по различным ее категориям* (обычное преступление, жестокое обращение, виктимизация между сверстниками и братьями/сестрами, сексуальная виктимизация и косвенная виктимизация свидетелей насилия).

Приведенные результаты свидетельствуют о том, что *психологические последствия виктимизации могут служить решающим фактором для повторной виктимизации*. Психологическая помощь пострадавшим детям должна фокусироваться не только на смягчении психологического

дискомфорта, но и на роли, которую он может играть в повышении риска повторной виктимизации.

Виктимизация женщин в семье

Отечественная и зарубежная врачебная практика свидетельствует о высокой распространенности депрессии и тревоги среди женщин – жертв домашнего насилия. Первые исследования связи депрессии и насилия страдали от таких методологических недостатков, как нерепрезентативность выборок, небольшое количество испытуемых и отсутствие групп сравнения.

Исследование Р. Желлса и Дж. Харропа (Gelles, Harrop, 1989) лишено многих таких недостатков. В нем изучены сообщения о психологических расстройствах среди жертв насилия и жестокого обращения. В своей работе авторы проанализировали данные 6002 домашних хозяйств из Второго общенационального обследования насилия в семье, проведенного в США. Изучение последствий насилия основано на анализе информации, предоставленной 3001 женщиной-респондентом, которые жили с мужем или партнером-мужчиной, или которые разошлись со своим мужем или мужчиной менее чем за 12 месяцев до момента собеседования. У женщин, сообщивших об испытываемых ими насилии и издевательствах, выявлены высокие уровни дистресса, депрессии и тревоги. Многовариантный анализ показал, что *насилие внесло самостоятельный и значимый вклад в психологическое расстройство, испытываемое женщинами – жертвами домашнего насилия.*

В работе К. Злотник с соавторами (Zlotnick et al., 1998) изучалась взаимосвязь между степенью материальной виктимизации партнера и рядом психологических и психосоциальных функций в репрезентативной выборке американских супружеских и сожительствующих пар (N=6451). Для прогнозирования степени физической виктимизации в исследовании также изучался вопрос о том, взаимодействовала ли переменная пола с любым из этих

факторов. Проанализировав данные Национального обследования семей и домашних хозяйств (NSFH), авторы исследования показали, что *повышенные уровни физической виктимизации связаны с более высоким уровнем симптомов депрессии*. Данное исследование не выявило переменных, представляющих интерес в качестве предсказателей степени физической виктимизации партнера.

Раздельное влияние психологической и физической виктимизации на симптомы депрессии и тревоги были изучены Э. Лоуренс с соавторами (Lawrence et al., 2009) в выборке молодоженов (N=103 пары). Испытуемых оценивали четыре раза в течение первых 3 лет брака. В среднем мужья и жены сообщали об умеренных уровнях совершенной против них психологической агрессии, причем не обнаружено значимых половых различий, как в показателях ее распространенности, так и в ее средних уровнях. Усиление психологической виктимизации увеличивало депрессию и симптомы тревоги в независимости от последствий физической виктимизации. Эта работа показывает серьезное воздействие психологической агрессии на своих жертв и расширяет результаты предыдущих исследований случаев насилия, демонстрируя, что в парах молодоженов *психологическая виктимизация может быть более разрушительной, чем физическая*.

Виктимизация на рабочем месте

В обзорной статье Н. Ланкто и С. Гуэй (Lanctôt, Guay, 2014) анализируются результаты исследований о последствиях насилия. В данный обзор были включены 68 исследований, они были оценены в соответствии с 12 критериями, рекомендованными Американской психологической ассоциацией для аналитических обзоров. Установлено, что наиболее частыми и важными являются психологические (в частности, посттравматический стресс, депрессия) и эмоциональные (например, гнев, страх) последствия насилия, а также негативное влияние на работу (например, отпуск по болезни,

неудовлетворенность работой). Показано, что гнев, грусть, страх, отвращение и удивление – это эмоции, которые являются общими для жертвы.

Взаимосвязь между издевательствами на рабочем месте и депрессией может быть двусторонней. Исследователь А. Лоерброкс с соавторами (Loerbroks et al., 2015) исходил из предположения, что депрессивный эффект издевательств может проявиться только в достаточно длительных периодах наблюдений (больше года). В проведенном авторами опросе принял участие 621 младший врач больницы, а затем опрос повторили спустя 1 год и 3 года. Выводы авторы сделали по респондентам с полными данными на всех этапах опроса (N=507 или 82% общего числа респондентов). Участникам исследования было дано описание всевозможных издевательств на работе, за которым следовал вопрос исследователя, чувствовал ли испытуемый(ая), что он/она подвергается издевательствам. Симптомы депрессии оценивались по немецкой шкале тревоги Спилбергера (Spielberger et al., 1970). Множественная линейная регрессия показала, что издевательства на рабочем месте на начальном этапе предсказывали увеличение симптомов депрессии как через один год ($b=1,43$, $p \leq 0,01$), так и после трех лет наблюдения ($b=1,58$, $p \leq 0,01$). Регрессионные модели Пуассона показали, что уровень симптома депрессии на исходном уровне был связан с повышенным риском издевательств. При трехлетнем наблюдении относительный риск [RR]=0,49, 95% доверительный интервал [CI]=1,13-1,97. Эта связь была менее выраженной после одного года наблюдения (RR=1,19, 95% ДИ=0,90-1,59). Данное исследование зафиксировало двустороннюю связь между симптомами депрессии и виктимизацией как результат издевательств на рабочем месте.

Такие эмоциональные состояния, как гнев, отрицательная аффективность являются не только следствием виктимизации на рабочем месте, но и ее предсказателями. Это утверждается, в частности, в работе М. Гершковис с соавторами (Hershcovis et al., 2007). В ней представлен аналитический обзор 57

эмпирических исследований (включающих 59 выборок), касающихся агрессии на рабочем месте. Найдены относительные вклады отдельных факторов (гнев, *отрицательная аффективность и биологический пол*) в объяснение межличностной и организационной агрессии. Результаты показывают, что *указанные личностные факторы предсказывают агрессию*, и что характер воздействия данных предикторов является целевым.

Криминальная виктимизация

Ранние исследования виктимизации чаще изучали последствия преступлений. Так влиянию криминальной виктимизации на возникновение страха перед преступностью посвящена работа У. Скогана (Skogan, 1987). Предыдущие исследования были неубедительными в этом вопросе, а страхи некоторых респондентов были объявлены «иррациональными», поскольку исследуемые факторы представлялись несвязанными между собой. Однако проанализированные автором данные свидетельствуют о том, что виктимизация затрагивает, как отношение к опасностям, *страх перед возможными преступлениями*, так четко и последовательно будущее (более осторожное) поведение. В этой работе также показано, что *воздействие виктимизации является относительно единообразным*. Этот результат противоречит выводам некоторых авторов, что отдельные люди особенно подвержены вовлечению в преступную деятельность, и это может быть использовано как для оправдания особого режима для этих лиц, так и для поддержки требований о специальном «лечении» таких преступников. Однако сильные последствия виктимизации, установленные в исследовании У. Скогана, не были дифференцированно распределены между разными группами испытуемых.

Неблагоприятные последствия виктимизации жертв преступлений (кражи со взломом, грабежа и насилия) изучены в работе А. Луриджио (Lurigio, 1987).

Жертвы чаще сообщали о том, что испытывают более высокий уровень уязвимости перед преступниками, страха перед ними, а также более низкие уровни само-эффективности. Кроме того, жертвы чаще проявляли защитное поведение. Однако среди групп жертв преступлений были некоторые различия. Жертвы взлома с большей вероятностью сообщали о том, что они чувствуют себя уязвимыми и ощущают страх, в то время как жертвы нападений чаще выражают более негативное отношение к полиции.

В статье К. Паркера и М. Рэя (Ray, 1990) изучены связи между виктимизацией и возможным страхом перед преступностью, при этом учитывались пол, возраст и некоторые социальные факторы. Данные для исследования были получены из выборки (N=1835) респондентов в возрасте 15 лет и старше, отобранных случайным образом. Для оценки влияния переменных-предикторов на страх перед преступностью использовались методы регрессии. Полученные данные показали, что *виктимизация служит самым мощным предсказателем возникновения страха* перед преступностью как для общей выборки, так и для каждой ее подвыборки. Другие существенные предсказывающие факторы – пол, возраст и раса.

Анализ выборки жертв преступлений в Северной Каролине (N=3109), проведенный Л. Смитом и Дж. Хиллом (Smith, Hill, 1991), показал, что страх перед преступностью на индивидуальном уровне связан с виктимизацией в результате потери собственности. Установлено, что *жертвы насильственных преступлений выражают более высокий уровень страха* тогда, когда они одновременно подвергаются и виктимизации в результате имущественных преступлений. Эти выводы обсуждаются с точки зрения общего эффекта социальной уязвимости в зависимости от пола, возраста и образования.

В заключение представим исследование, включающее *сравнение последствий виктимизации детей и взрослых.* В аналитическом обзоре (Schmitt et al., 2014) М. Шмитт с соавторами изучили взаимосвязь между

В.П. Шейнов

Психологическая виктимизация жертв издевательств как источник их отрицательных эмоциональных состояний

дискриминацией, воспринимаемой жертвами (рассматривается только такая дискриминация, как синоним виктимизации), и их психологическим благополучием и оценили ряд возможных модераторов этих связей. Авторы вычислили корреляции, измеряющие связи воспринимаемой дискриминации с показателями психологического благополучия (чувством собственного достоинства, депрессией, тревожностью, психологическим стрессом, удовлетворенностью жизнью). В построенной модели средняя величина статистически значимой корреляции была отрицательной ($R=-0,23$), что указывало на вред, наносимый психологическому благополучию. Для неблагоприятных групп испытуемых, наиболее пострадавших от виктимизации, сила связи была большей ($R=-0,24$) по сравнению с более благополучными группами ($R=-0,10$). При этом *неблагоприятное воздействие воспринимаемой дискриминации оказалась более сильным для детей по сравнению с взрослыми*, большим для восприятия личной дискриминации по сравнению с групповой дискриминацией и более слабым для расизма и сексизма по сравнению с восприятием личной и групповой дискриминации. Результаты аналитического обзора соответствующих исследований привели его авторов к выводу о большой распространенности воспринимаемой дискриминации, что в совокупности с установленными неблагоприятными последствиями для психологического благополучия ее жертв представляет, по мнению авторов, серьезную опасность для общества.

Методика оценки степени виктимизации взрослого человека и ее применение

Эмпирические исследования виктимизации взрослых (в частности, в русскоязычном социуме) сдерживаются отсутствием (у нас и за рубежом) соответствующей методики для этой категории испытуемых.

Автором разработана надежная и валидная тестовая *Методика оценки степени виктимизации взрослого индивида* (Шейнов, 2018а). Показано, что:

1. Разработанный тест оценки степени виктимизации для взрослых удовлетворяет стандартным критериям надежности: внутренняя согласованность, надежность частей теста, ретестовая надежность.

2. Тест валиден, удовлетворяя всем критериям валидности: 1) валидизации в процессе конструирования теста; 2) валидности содержательной; 3) «очевидной»; 4) текущей (диагностической); 5) консенсусной; 6) конструктивной; 7) конвергентной; 8) контрастной; 9) гендерной.

3. Семь шкал (субтестов) теста диагностируют семь типов виктимизации: общую и реализованную виктимизацию, склонности к агрессивному, саморазрушающему, зависимому и некритичному типам виктимизации и незащищенности от манипуляций.

4. Тест стандартизован: приведены нормы для мужчин и женщин, представленные в средних величинах и показателях стандартного отклонения.

5. Виктимизация взрослых, диагностированная этим тестом, положительно связана со склонностью к рисковому поведению, с тревожностью, депрессией, с низким самоуважением и отрицательно – с асертивностью (Шейнов, 2018а).

К настоящему времени с помощью предлагаемой *Методики* установлены (кроме результатов, приведенных в предыдущем абзаце) взаимосвязи между виктимизацией, макиавеллизмом личности и стратегиями поведения в конфликте мужчин, женщин, юношей и девушек (Шейнов, 2018б). Приведем некоторые результаты, полученные в этом направлении:

1) *Виктимизация связана с макиавеллизмом*, который у мужчин, женщин, юношей и девушек положительно коррелирует с общей виктимизацией, агрессивным и некритичным поведением. Кроме того, макиавеллизм мужчин, женщин и юношей положительно связан с зависимым поведением и с

реализованной виктимизацией, макиавеллизм юношей и девушек – с саморазрушающим и некритичным поведением, юношей – с зависимым поведением и с реализованной виктимизацией.

2) Характер связей между виктимизацией и стратегиями поведения в конфликте различен для компонентов виктимизации и стратегий. Стратегия соперничества у мужчин и женщин, юношей и девушек положительно связана с общей виктимизацией и агрессивным поведением. Стратегия приспособления у женщин и мужчин отрицательно коррелирует с общей виктимизацией и агрессивным поведением, у женщин – еще и с саморазрушающим и некритичным поведением. Стратегия избегания у женщин отрицательно коррелирует с саморазрушающим и некритичным поведением и с реализованной виктимностью, у мужчин – положительно связана с зависимым поведением, а у юношей – с саморазрушающим поведением. Стратегия компромисса у мужчин, женщин, юношей и девушек отрицательно коррелирует с общей виктимизацией и с агрессивным поведением. Стратегия сотрудничества в конфликте отрицательно связана с общей виктимностью и с агрессивным поведением у юношей и женщин, а у юношей – еще и с некритичным поведением.

3) Макиавеллизм мужчин, женщин и юношей положительно связан с соперничеством в конфликте и отрицательно – с приспособлением (Шейнов, 2018-б).

С помощью данной *Методики* автором установлены также взаимосвязи между виктимизацией мужчин, женщин, юношей и девушек и их психологическим полом, экстраверсией, нейротизмом, социальной желательностью, эмпатией и возрастом:

1) Маскулинность положительно связана с виктимизацией мужчин и юношей в части общей виктимизации, агрессивного, саморазрушающего, и некритичного поведения и отрицательно – с зависимым поведением. У женщин

и девушек маскулинность положительно коррелирована с виктимизацией в части саморазрушающего поведения и отрицательно – с зависимым поведением.

2) Феминность отрицательно связана с виктимизацией в части агрессивного поведения женщин, мужчин и юношей, а у юношей – еще и за счет саморазрушающего и не критичного поведения и общей виктимизации, у женщин – за счет общей виктимизации. Показатели феминности девушек никак не связаны с виктимизацией.

3) У женщин и мужчин показатель нейротизма положительно связан с общей виктимизацией, с агрессивным и зависимым поведением и, а у мужчин – еще и с реализованной виктимизацией.

4) Экстраверсия отрицательно коррелирует с общей виктимизацией и с агрессивным и зависимым поведением у мужчин и положительно – с агрессивным и не критичным поведением у женщин.

5) Социальная желательность (желание одобрения) отрицательно связана с агрессивным поведением у мужчин и женщин и с саморазрушающим поведением женщин и не критичным поведением мужчин.

6) С возрастом у женщин снижается общая виктимизация за счет уменьшения влияния на нее агрессии. У других рассмотренных в исследовании групп испытуемых связи виктимизации с возрастом не обнаружены.

ВЫВОДЫ

1. Виктимизация детей и подростков вследствие издевательств в школе имеет положительную связь с испытываемыми ими депрессией, тревогой, страхом, самообвинением, низкой самооценкой, гневом, разобщенностью, посттравматическим стрессом. Связь между виктимизацией и симптомами депрессии является двусторонней.

Виктимизации подростков способствуют проблемы в их семейном общении, при этом виктимизация положительно коррелирует с чувством

отчаяния, неверия в счастливую и долгую жизнь, а также с ощущением себя нелюбимым, брошенным и забытым.

Психологические последствия виктимизации могут служить решающим фактором для повторной виктимизации.

2. Среди женщин – жертв домашнего насилия имеет место высокая распространенность депрессии и тревоги. При этом психологическая виктимизация может быть более разрушительной, чем физическая виктимизация.

3. Наиболее частыми и важными последствиями виктимизации на рабочем месте являются психологические последствия, отрицательные эмоциональные состояния и негативное влияние на работу. Депрессия, гнев, грусть, страх, отвращение и удивление – это общие эмоции, которые испытывают жертвы. Депрессия, гнев, отрицательная аффективность являются как следствиями виктимизации на рабочем месте, так и ее предсказателями.

4. Жертвы преступлений испытывают более высокий уровень уязвимости перед преступниками и страха перед ними, и обладают более низкими уровнями самооффективности. Виктимизация служит самым мощным предсказателем возникновения страха перед преступностью.

5. Неблагоприятные последствия виктимизации более разрушительны для детей по сравнению с взрослыми.

6. Автором предложена надежная и валидная тестовая «Методика оценки степени виктимизации взрослого индивида» и представлены первые результаты ее применения; установлены взаимосвязи: а) между виктимизацией, макиавеллизмом личности и стратегиями поведения в конфликте мужчин, женщин, юношей и девушек; б) между виктимизацией мужчин, женщин, юношей и девушек и их психологическим полом, нейротизмом, экстраверсией, социальной желательностью, эмпатией и возрастом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вишневецкий К.В. Виктимизация: факторы, условия, уровни // Теория и практика общественного развития. 2014. № 4. С. 226-227.

Емельянова Т.П. Феномен коллективных чувств в психологии больших социальных групп // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 1. С. 3-22. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document195.pdf> (дата обращения: 16.10.2018).

Никифоров Г.С. Барьеры, препятствующие здоровому поведению // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 4. С. 74-93. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document280.pdf> (дата обращения 15.03.2018).

Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, М.И. Воловикова, Т.В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Чикер В.А., Почебут Л.Г. Теоретические и методологические основы изучения моббинг-процессов в организациях // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 2. С. 139-161. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document224.pdf> (дата обращения 15.05.2018).

Шейнов В.П. (Sheinov V.P.) Developing the Technique for Assessing the Degree of Victimization in Adults // Российский психологический журнал. 2018 (а). Т. 15. № 2/1. С. 69-85. DOI 10.21702/rpj.2018.2.1.5.

Шейнов В.П. Взаимосвязи виктимизации, макиавеллизма и поведения в конфликте // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2018 (6). Т. 15. № 4. С. 431-445.

Bauman S., Summers J.J. Peer Victimization and Depressive Symptoms in Mexican American Middle School Students: Including Acculturation as a Variable of Interest // *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*. 2009. V. 31. № 4. P. 515-535.

Cuevas C.A., Finkelhor D., Clifford C., Ormrod R.K., Turner H.A. Psychological distress as a risk factor for re-victimization in children // *Child Abuse & Neglect*. V. 34. № 4. April 2010. P. 235-243.

Einarsen S., Skogstad A. Bullying at work: Epidemiological findings in public and private organizations // 1996. V. 5. № 2. P. 185-201. Published online: 14 Jan 2008. <https://doi.org/10.1080/13594329608414854>.

Garnefski N., Kraaij V. Bully victimization and emotional problems in adolescents: Moderation by specific cognitive coping strategies? // *Journal of Adolescence* V. 37. № 7. October 2014. P. 1153-1160.

Gelles R. J., Harrop J.W. Violence, Battering, and Psychological Distress Among Women // *Journal of Interpersonal Violence*. 1989. V. 4. № 4. P. 400-420.

Gini G., Espelage D.L. Peer Victimization, Cyberbullying, and Suicide Risk in Children and Adolescents // *JAMA*. 2014. 312(5). P. 545-546.

Herscovis M., Turner S., Barling N., Arnold J., Dupré K.A., Inness K. E., Le Blanc M., Mireille M., Niro S. Predicting work place aggression: A meta-analysis // *Journal of Applied Psychology*. Jan. 2007. V. 92(1). P. 228-238.

Holt M.K., Espelage D.L. Social support as a moderator between dating violence victimization and depression/anxiety among African American and Caucasian adolescents // *School Psychology Review*. 2005. P. 309-328.

- Hoof A.A.* Multi-mediation Model on the Relations of Bullying, Victimization, Identity, and Family with Adolescent Depressive Symptoms // *Journal of Youth and Adolescence*. August 2008. V. 37 № 7. P. 772-782.
- Howard D.E., Feigelman S., Li X., Cross S., Rachuba L.* The relationship among violence victimization, witnessing violence, and youth distress // *Journal of Adolescent Health*. V. 31. № 6. December 2002. P.455-462.
- Hutchinson M., Hurley J.* Exploring leadership capability and emotional intelligence as moderators of workplace bullying // *Journal of Nursing Management*. 2013. V. 21. P. 553-562. DOI: 10.1111/j.1365-2834.2012.01372.
- Isaacs J., Hodges E.V., Salmivalli C.* Long-term Consequences of Victimization by Peers: A Follow-up from Adolescence to Young Adulthood // *International Journal of Developmental Science*. 2008. V. 2. № 4. P. 387-397.
- Lanctôt N., Guay S.* The aftermath of workplace violence among healthcare workers: A systematic literature review of the consequences // *Aggression and Violent Behavior*. V. 19. № 5. 2014. P. 492-501.
- Lawrence E., Yoon J., Langer A., Ro E.* Is Psychological Aggression as Detrimental as Physical Aggression? The Independent Effects of Psychological Aggression on Depression and Anxiety Symptoms // *Violence and Victims*. V. 24. № 1. 2009. P. 20-35.
- Loerbroks A., Weigl M., Li J., Glaser J., Degen C., Angerer P.* Workplace bullying and depressive symptoms: A prospective study among junior physicians in Germany // *Journal of Psychosomatic Research*. February 2015. V. 78. № 2. P. 168-172.
- Luchetti S., Rapee R.M.* Liking and Perceived Probability of Victimization of Peers Displaying Behaviors Characteristic of Anxiety and Depression // *Journal of Experimental Psychopathology*. 2014. V. 5. № 2. P. 212-223.
- Lurigio A.J.* Are all Victims Alike? The Adverse, Generalized, and Differential Impact of Crime // *Crime & Delinquency*. 1987. V. 33. № 4. P. 452-467.

Menrath I., Prüssmann M., Müller-Godeffroy E., Prüssmann C., Ravens-Sieberer U., Ottova-Jordan V., Thyen U. Subjective Health, School Victimization, and Protective Factors in a High-Risk School Sample // *Journal of Developmental & Behavioral Pediatrics*: June 2015. V. 36. № 5. P. 305-312. DOI: 10.1097/DBP.000000000.

Mihalas S.T. Positive protective factors as moderators in the relationship between relational victimization and depression in minority adolescents. Dissertation. University of South Florida, 2007.

Parker K.D., Ray M.C. Fear of crime: An assessment of related factors // *Journal Mid-South Sociological Association*. V. 10. 1990. № 1. P. 29-40. Published online: 30 Jul 2010. URL: <https://doi.org/10.1080/02732173.1990.9981910>.

Schacter H.L., Juvonen J. Depressive symptoms, friend distress, and self-blame: Risk factors for adolescent peer victimization // *Journal of Applied Developmental Psychology*. V. 51. July 2017. P. 35-43.

Schmitt M.T., Branscombe N.R., Postmes T., Garcia A. The consequences of perceived discrimination for psychological well-being: A meta-analytic review // *Psychological Bulletin*. July 2014. V. 140(4). P. 921-948.

Singer M.I., Anglin T. M., Song L., Lunghofer L. Adolescents' Exposure to Violence and Associated Symptoms of Psychological Trauma // *JAMA*. 1995. № 273(6). P. 477-482. DOI:10.1001/jama.1995.03520300051036.

Skogan W.G. The Impact of Victimization on Fear // *Crime & Delinquency*. 1987. V. 33. № 1. P. 135-154.

Smith L.N., Hill G.D. Victimization and Fear of Crime // *Criminal Justice and Behavior*. 1991. V. 18. № 2. P. 217-239.

Turner H.A., Shattuck A., Finkelhor D., Hamby S. Effects of Poly-Victimization on Adolescent Social Support, Self-Concept, and Psychological Distress // *Journal of Interpersonal Violence*. 2015. V. 32. № 5. P. 755-780.

Zlotnick C., Kohn R., Peterson J., Pearlstein T. Partner Physical Victimization in a National Sample of American Families. Relationship to Psychological Functioning, Psychosocial Factors, and Gender // Journal of Interpersonal Violence. 1998. V. 13. № 1. P. 156-166.

BIBLIOGRAFICHESKIJ SPISOK

Vishneveckij K.V. Viktimizaciya: faktory, usloviya, urovni // Teoriya I praktika obshchestvennogo razvitiya. 2014. № 4. S. 226-227.

Emel'yanova T.P. Fenomen kollektivnyh chuvstv v psihologii bol'shih social'nyh grupp // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ehkonomicheskaya psihologiya. 2016. T. 1. № 1. S. 3-22. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document195.pdf> (data obrashcheniya: 16.10.2018).

Nikiforov G.S. Bar'ery, prepyatstvuyushchie zdorovomu povedeniyu // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ehkonomicheskaya psihologiya. 2016. T. 1. № 4. S. 74-93. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document280.pdf> (data obrashcheniya 15.03.2018).

Psihologicheskoe zdorov'e lichnosti I duhovno-nravstvennye problem sovremennogo rossijskogo obshchestva / Otv. red. A.L. Zhuravlev, M.I. Volovikova, T.V. Galkina. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2014.

Psihologiya povsednevnogo i travmaticheskogo stressa: ugrozy, posledstviya i sovladanie. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2016.

Chiker V.A., Pochebut L.G. Teoreticheskie I metodologicheskie osnovy izucheniya mobbing-processov v organizatsiyah // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ehkonomicheskaya psihologiya. 2016. T. 1. № 2. S. 139-161. URL: <http://soc-econom->

psychology.ru/engine/documents/document224.pdf (data obrashcheniya 15.05.2018).

Shejnov V.P. (Sheinov V.P.) Developing the Technique for Assessing the Degree of Victimization in Adults // *Rossijskij psihologicheskij zhurnal*. 2018 (a). T. 15. № 2/1. S. 69-85. DOI 10.21702/rpj.2018.2.1.5.

Shejnov V.P. Vzaimosvyazi viktimizacii, makiavellizma I povedeniya v konflikte // *Vestnik RUDN. Seriya: Psihologiya i pedagogika*. 2018 (b). T. 15. № 4. S. 431-445.

Bauman S., Summers J.J. Peer Victimization and Depressive Symptoms in Mexican American Middle School Students: Including Acculturation as a Variable of Interest // *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*. 2009. V. 31. № 4. P. 515-535.

Cuevas C.A., Finkelhor D., Clifford C., Ormrod R.K., Turner H.A. Psychological distress as a risk factor for re-victimization in children // *Child Abuse & Neglect*. V. 34. № 4. April 2010. P. 235-243.

Einarsen S., Skogstad A. Bullying at work: Epidemiological findings in public and private organizations // *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 1996. V. 5. № 2. P. 185-201. Published online: 14 Jan 2008. <https://doi.org/10.1080/13594329608414854>.

Garnefski N., Kraaij V. Bully victimization and emotional problems in adolescents: Moderation by specific cognitive coping strategies? // *Journal of Adolescence* V. 37. № 7. October 2014. P. 1153-1160.

Gelles R. J., Harrop J.W. Violence, Battering, and Psychological Distress Among Women // *Journal of Interpersonal Violence*. 1989. V. 4. № 4. P. 400-420.

Gini G., Espelage D.L. Peer Victimization, Cyberbullying, and Suicide Risk in Children and Adolescents // *JAMA*. 2014. 312(5). P. 545-546.

Hershcovis M., Turner S., Barling N., Arnold J., Dupré K.A., Inness K. E., LeBlanc M., Mireille M., Niro S. Predicting work place aggression: A meta-analysis // *Journal of Applied Psychology*. Jan. 2007. V. 92(1). P. 228-238.

Holt M.K., Espelage D.L. Social support as a moderator between dating violence victimization and depression/anxiety among African American and Caucasian adolescents // *School Psychology Review*. 2005.P. 309-328.

Hoof A.A. Multi-mediation Model on the Relations of Bullying, Victimization, Identity, and Family with Adolescent Depressive Symptoms // *Journal of Youth and Adolescence*. August 2008. V. 37 № 7. P. 772-782.

Howard D.E., Feigelman S., Li X., Cross S., Rachuba L. The relationship among violence victimization, witnessing violence, and youth distress // *Journal of Adolescent Health*. V. 31. № 6. December 2002. P. 455-462.

Hutchinson M., Hurley J. Exploring leadership capability and emotional intelligence as moderators of workplace bullying// *Journal of Nursing Management*. 2013. V. 21. P. 553-562. DOI: 10.1111/j.1365-2834.2012.01372.

Isaacs J., Hodges E.V., Salmivalli C. Long-term Consequences of Victimization by Peers: A Follow-up from Adolescence to Young Adulthood // *International Journal of Developmental Science*. 2008. V. 2. № 4. P. 387-397.

Lanctôt N., Guay S. The aftermath of workplace violence among healthcare workers: A systematic literature review of the consequences // *Aggression and Violent Behavior*. V. 19. № 5. 2014. P. 492-501.

Lawrence E., Yoon J., Langer A., Ro E. Is Psychological Aggression as Detrimental as Physical Aggression? The Independent Effects of Psychological Aggression on Depression and Anxiety Symptoms // *Violence and Victims*. V. 24. № 1. 2009. P. 20-35.

Loerbroks A., Weigl M., Li J., Glaser J., Degen C., Angerer P. Workplace bullying and depressive symptoms: A prospective study among junior physicians in

Germany//Journal of Psychosomatic Research. February 2015. V. 78. № 2. P. 168-172.

Luchetti S., Rapee R.M. Liking and Perceived Probability of Victimization of Peers Displaying Behaviors Characteristic of Anxiety and Depression//Journal of Experimental Psychopathology. 2014. V. 5. № 2. P. 212-223.

Lurigio A.J. Are all Victims Alike? The Adverse, Generalized, and Differential Impact of Crime // Crime & Delinquency. 1987. V. 33. № 4. P. 452-467.

Menrath I., Prüssmann M., Müller-Godeffroy E., Prüssmann C., Ravens-Sieberer U., Ottova-Jordan V., Thyen U. Subjective Health, School Victimization, and Protective Factors in a High-Risk School Sample // Journal of Developmental & Behavioral Pediatrics: June 2015. V. 36. № 5. P. 305-312. DOI: 10.1097/DBP.000000000.

Mihalas S.T. Positive protective factors as moderators in the relationship between relational victimization and depression in minority adolescents. Dissertation. University of South Florida, 2007.

Parker K.D., Ray M.C. Fear of crime: An assessment of related factors //Journal Sociological SpectrumMid-South Sociological Association. V. 10. 1990. № 1. P. 29-40. Published online: 30 Jul 2010. URL: <https://doi.org/10.1080/02732173.1990.9981910>.

Schacter H.L., Juvonen J. Depressive symptoms, friend distress, and self-blame: Risk factors for adolescent peer victimization // Journal of Applied Developmental Psychology. V. 51. July 2017. P. 35-43.

Schmitt M.T., Branscombe N.R., Postmes T., Garcia A. The consequences of perceived discrimination for psychological well-being: A meta-analytic review // Psychological Bulletin. Jul 2014. V. 140(4). P. 921-948.

Singer M.I., Anglin T. M., Song L., Lunghofer L. Adolescents' Exposure to Violence and Associated Symptoms of Psychological Trauma // JAMA. 1995. № 273(6). P. 477-482. DOI:10.1001/jama.1995.03520300051036.

Skogan W.G. The Impact of Victimization on Fear // *Crime & Delinquency*. 1987. V. 33. № 1. P. 135-154.

Smith L.N., Hill G.D. Victimization and Fear of Crime // *Criminal Justice and Behavior*. 1991. V. 18. № 2. P. 217-239.

Turner H.A., Shattuck A., Finkelhor D., Hamby S. Effects of Poly-Victimization on Adolescent Social Support, Self-Concept, and Psychological Distress // *Journal of Interpersonal Violence*. 2015. V. 32. № 5. P. 755-780.

Zlotnick C., Kohn R., Peterson J., Pearlstein T. Partner Physical Victimization in a National Sample of American Families. Relationship to Psychological Functioning, Psychosocial Factors, and Gender // *Journal of Interpersonal Violence*. 1998. V. 13. № 1. P. 156-166.

VICTIMIZATION OF MOCKERIES' VICTIMS AS THE SOURCE OF THEIR NEGATIVE EMOTIONAL STATES

V.P. Sheinov*

*Sc.D. (sociology), professor, department of psychology, Republican Institute of Higher School of the Belarusian State University; 15, Moscow str., Minsk, 220030, Belarus Republic; e-mail: sheinov1@mail.ru

Summary. Bullying in schools, in families, at work repeat from generation to generation, remaining a serious social and psychological problem. Bullying leads to the victimization of victims, causing them significant harm. This analytical review of relevant foreign studies has shown that victimization of children, adolescents and adults gives rise to negative emotional states - depression, anxiety, depression, fear, distress, anger, negative affectivity, self-incrimination, low self-esteem, post-traumatic stress. At the same time, psychological victimization of victims can be more destructive than physical. Compared to adults, victimization of children and adolescents has a stronger adverse effect on them. Negative emotional states during victimization in the workplace complemented by dissatisfaction with work and a decrease in its quality. The author of the article

proposed a reliable and valid test method for assessing the degree of victimization of an adult individual. With its help, shown that victimization associated with Machiavellianism, which in men, women, boys, and girls positively correlates with general victimization, aggressive and uncritical behavior. The Machiavellianism of men, women and young men is also positively associated with dependent behavior and realized victimization, Machiavellianism of young men and women with self-destructive and uncritical behavior, young Machiavellianism with dependent behavior and realized victimization. The relationships between a) victimization and strategies of behavior in conflict are also found, differing for combinations of components of victimization and strategy; b) between the victimization of the individual and his psychological gender, neuroticism, extraversion, social desirability, empathy, and age.

Keywords: victimization, bullying, victims, emotional states, children, adolescents, adults, school, family, work, test method.